

功夫

МИХАИЛ РОТТЕР

Взрослые сказки
О ГУН-ФУ
Часть I: ЦИ-ГУН

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Михаил Роттер

**Взрослые сказки о
Гун-Фу. Часть I: Ци-Гун**

«ИД Ганга»

2015

УДК 75.715
ББК 615.8

Роттер М.

Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть I: Ци-Гун / М. Роттер — «ИД Ганга», 2015 — (Восток: здоровье, воинское искусство, Путь)

ISBN 978-5-9906080-3-0

Эти сказки представляют собой набор отрывочных историй (иногда они даже пересекаются и накладываются друг на друга), главной темой и главным героем которых является Ци-Гун, представляющий собой некую «систему волшебства», которую достаточно трудно описать иначе как в сказке, позволяющей с чистой совестью смешивать истину с вымыслом. Истории эти простые, совершенно «не художественные» и единственное, на что они претендуют, – это незатейливое описание того, как это иногда бывает «на самом деле». Вторая часть книги под названием «Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть II: Тай-Цзи-Цюань» выйдет следом.

УДК 75.715
ББК 615.8

ISBN 978-5-9906080-3-0

© Роттер М., 2015
© ИД Ганга, 2015

Содержание

Вступление	6
Сказка про учителя	7
Сказка об учителе Мине	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Роттер
Взрослые сказки о Гун-Фу
Часть I: Ци-Гун

© Михаил Роттер, текст 2015
© ООО ИД «Ганга», 2015

Вступление

Однажды ученики попросили Платона дать краткое и понятное определение человека. На это знаменитый философ сказал им так: «Человек есть животное на двух ногах, лишённое перьев».

Узнав об этом, Диоген поймал петуха, оципал его, принес в Академию и, продемонстрировав собравшимся, сообщил: «Вот платоновский человек!» После такого конфуза Платон отредактировал свое определение, добавив к нему фразу: «И с плоскими ногтями».

О важности правильных определений.

Наша трактовка

Во вступлении хотелось бы написать, чему посвящена эта книга. Но, увы, это автору так и не удалось. Дело в том, что она ничему не посвящена. Это просто набор отрывочных историй (иногда они даже пересекаются и накладываются друг на друга) и соображений, названных сказками только для того, чтобы назвать их хоть как-нибудь. Кроме того, слово «сказки» позволяет с чистой совестью смешивать истину с вымыслом, ведь сказка – она сказка и есть. Трудно сказать, сколько здесь чистой правды, событий, имевших место на самом деле, а сколько дописано «от себя». Наверное, тут пропорция «один к одному». Именно так изготавливается водка: чистый спирт и вода примерно пополам.

Истории эти простые, совершенно «не художественные» и единственное, на что они претендуют, – это описание того, как это бывает «на самом деле». Причина в том, что Ци-Гун – это некая «система волшебства», которую трудно описать. Если же ее описывают, то делают это весьма пафосно (а как же еще описывать «систему волшебства»). Поэтому возникла мысль написать об этом просто и буднично, по принципу «как в жизни».

Следует отметить особо: *никаких реальных людей и имен в книге не упоминается*. Совпадений не больше, чем в сказке про Иванушку-дурачка. Не было такого дурачка нигде, кроме как в сказке.

И еще. Если на то «будет судьба», то за этой книгой вскоре последует вторая часть, о сути Тай-Цзи-Цюань. Разумеется, с Учителем Минем «в главной роли».

«Пустотелая и хрупкая соломинка плавает сверху, на самой поверхности моря, в то время как тяжелая жемчужина лежит внизу, на самом дне. Подобно этому, ничтожный человек, находящийся наверху, в действительности низок, тогда как великий человек, находясь внизу, никогда низок не бывает».

«Гуру Вачака Коваи» (499)¹

¹ Здесь и далее по тексту «Гуру Вачака Коваи» цитируется по изданию ИД «Ганга», 2015 (Шри Муруганар. Гуру Вачака Коваи. Собрание устных наставлений Раманы Махарши. Пер. с англ. А. Киселева, О. Короткова).

Сказка про учителя

Если учитель сказал: «Бей головой в стену», – ты должен бить головой в стену. Если ты откажешься, он просто перестанет учить тебя дальше.

Правило для изучающих боевые искусства от вьетнамского мастера Миня

Любой нормальный учитель заинтересован в том, чтобы сделать ученика мастером, а не в том, чтобы искалечить его. Разумеется, риски, существующие при изучении традиционных воинских искусств, всегда были весьма значительны. Но на то и учитель, чтобы соотнести риск и готовность ученика его преодолеть. И если учитель говорит, что пришло время пробивать головой стену, он точно знает, что ученик полностью готов к этому, что он не станет идиотом, а выйдет из этого испытания невредимым и с ощущением новой силы. Если же ученик отказывается это делать, значит его дух слаб, а его вера в себя, в учителя и в систему недостаточна. Что же, не беда, иногда такое случается. Если ученик не следует более наставлениям учителя, тот не способен его учить дальше. Это означает, что процесс обучения подошел к концу и нужно искать нового ученика.

Наша трактовка

Набор сказок начинается со сказки об учителе, так как Ци-Гун (или У-Шу, что часто почти одно и то же) не театр и начинается не с вешалки, а с учителя. Дело в том, что учитель в азиатской традиции – это совсем не то, что школьный учитель на Западе или даже университетский профессор.

Это фигура совсем другого уровня, скорее даже из совсем другой области. На Западе ученики совершенно не обязаны слушать, что им говорит учитель, а исполнять – тем более. Наоборот, у студентов есть даже такая игра – кто сумеет более успешно «не послушать» преподавателя. Выражается она в том, что наибольшей доблестью при сдаче экзамена считается получение наивысшей оценки при минимальном объеме знаний (а лучше при полном их отсутствии). Формулируется это примерно так: «Смотрите, как я развел этого лоха. Совсем ничего не учил, немного поканючил и этот дурачок поставил мне пять».

Вот совершенно непридуманная история. Исходные условия примерно такие. Студент весь семестр изо всех сил старался вести себя очень вежливо: здоровался на каждом углу, почтительно именовал «препода» по имени-отчеству, при каждом удобном случае старался завести беседу. Препод очень вежливо отвечал, но тоже, будучи отнюдь не таким дураком, как это казалось студентам, прекрасно понимал, к чему идет дело, и держался весьма отстраненно.

И вот настал момент истины – экзамен, где сложилась стандартная ситуация: студент знает на два, препод легко ставит три (он действительно такой лох, что двоек не ставит никому), а учитывая старательную вежливость студента, так же легко ставит четыре. Но неожиданно четверки оказывается мало, и между участниками происходит такой исключительно «взаимовежливый» диалог (приведен практически дословно).

– Ну ладно, объем ваших знаний мне очевиден. Учитывая вашу «старательную вежливость» в течение всего семестра, ставлю вам четыре. Надеюсь, вам хватит?

– Ой, что вы, мне надо пять. Только пять.

– Но вы же знаете на два. Будете спорить? Задать еще пару вопросов?

- Что вы, не надо больше вопросов. Я согласен, что ничего не знаю.
- Ну вот. Знаете на два, я ставлю три, согласен даже на четыре. Но пятерка вместо двойки... Такое даже мне кажется неправильным. Зачем вам пять? Четыре для получения стипендии вполне достаточно.
- Да не нужна мне эта стипендия. Я ее не получаю, я на «контракте», а не на бюджете.
- Тогда почему обязательно пять?
- Нужно очень!
- Ладно, я любопытный, пять поставлю, но только при одном условии: вы честно скажете, зачем вам пятерка.
- Если я первую сессию сдам на все пятерки, то папа мне купит машину. Я со всеми уже договорился, а вы «не договариваетесь».
- А выучить не пробовали? За такой-то приз!
- А зачем? Вы же все равно поставите!

Представить процесс подобной «торговли» между традиционным азиатским учителем и его учеником просто невозможно: традиция подобного «развлечения» просто не предусматривает. Там подход другой: хочешь учиться – учись, не хочешь – пошел вон. Правда, подчеркнем еще раз: речь идет исключительно о традиционном обучении, когда ученик жил «при учителе» и полностью зависел от него. В наши дни, разумеется, ситуация меняется. Теперь, скорее, учитель зависит от ученика: «Кто платит деньги, тот и заказывает... И не только музыку».

Есть еще одно значимое различие. Западный учитель – это часть учебного учреждения: школы, института, университета, маленькая деталь большой машины. А студенты такие вещи прекрасно чувствуют. Понимание того, что на самом деле препод ничего не решает (как бы он ни выделялся, все равно в конце концов он сделает так, как ему прикажет декан или «завкаф»), не добавляет уважения к этому самому преподу.

В Азии ситуация прямо противоположная. Тут в принципе не существует никакой школы. Традиционный учитель сам и есть школа. Есть в деревне хороший учитель – есть школа. Умер учитель (или переехал в соседнюю деревню) – школа тут же распадается, ученики бросают заниматься или переходят к другим учителям, у которых могут быть совершенно другие методы обучения и, соответственно, другая школа.

Поэтому такой учитель – это некий символ, олицетворяющий собой систему и одним этим уже вызывающий уважение со стороны учеников.

Однако здесь возникает крайне неприятный эффект. Став «человеком-символом», учитель начинает казаться чем-то большим, чем он есть на самом деле. И вот тут-то и кроется западня. Когда ученики воспринимают наставника как обычного человека, наделенного каким-то специфическим мастерством высокого уровня, – это хорошо и правильно. Как только они начинают делать из обычного человека сакральную фигуру, происходит, так сказать, «разрыв реальности», несоответствие реального человека (пусть и большого мастера) и идеализированной, выдуманной фигуры «Наставника» (обязательно с большой буквы, а лучше сплошными большими буквами).

Такое несоответствие может привести к весьма печальным последствиям, которые хорошо описываются знаменитой фразой Киплинга «Акела промахнулся». Аналогия весьма явственная: обычный волк на охоте вполне может промахнуться, ничего особенного, «дело житейское». А вот промах вожака (Акелы) – это повод для его немедленной отставки с последующим смертельным поединком. Здесь примерно такая же история. Ошибка обычного человека – это всего лишь ошибка, а ошибка Наставника может стать крушением мифа о его великой мудрости и мастерстве.

Кстати, именно так и бросают заниматься многие люди. Например, они узнают, что их многоуважаемый учитель, преподающий им оздоровительный Ци-Гун, сам ходит лечиться к западному врачу. Для тех, кто понимает, что их учитель точно такой же человек, как они, ничего не меняется. Ну, болеет учитель и что с того. Все болеют (если бы можно было не болеть, наверное, можно было бы и не умирать). Совсем не так думает тот, кто уже успел «возвести учителя на пьедестал». Ход мыслей примерно таков: «Не может быть! Даже он болеет! Или система не работает, или он не мастер!» И так далее – сплошные восклицательные знаки. И как следствие, совершенно логичный вывод: если учитель болеет, что же говорить обо мне. А за этим логичным выводом – столь же логичное решение: бросаю заниматься, мне тут точно делать нечего.

Выход простой и записан тысячи лет назад: «Не сотвори себе кумира». В нашем случае еще проще: учитель – обычный человек, обладающий определенным мастерством в определенной области. Его ученики вполне могут быть мастерами такого же уровня (или даже выше) в чем-то другом.

Итак, чтобы успешно заниматься и не разочароваться (даже получилась неожиданная рифма), не нужно ожидать от учителя слишком многого.

Это тем более важно потому, что восточные учителя совершенно не торопятся «нести знание» в массы. Психология их проста. С чего мастер должен отдавать секреты, доставшиеся ему с таким трудом, каким-то не слишком знакомым людям? Пусть они платят за это деньги, – это не слишком важно. Мастер сам отмерит, что (и кому) он собирается отдать за эту сумму. И это чаще всего не совпадает с представлениями ученика на эту же тему.

Разумеется, может (вообще при длительных занятиях так и должно быть) случиться и так, что «учительско-ученические» отношения превратятся в дружеские и тогда ученику удастся получить от учителя так называемую полную передачу или школу целиком.

Однако подобное происходит достаточно редко (слишком много факторов должно сойтись), так что рассчитывать на это никак не следует. Поэтому подход «что даст, то и даст и за это ему большое спасибо» будет, пожалуй, самым удобным.

В качестве иллюстрации ниже приведена «слегка биографическая» сказка про учителя (хотелось написать про «усредненного» учителя, но учителя «усредненными» не бывают, тем более такие), который отнюдь не был ангелом.

Сказка об учителе Мине (Рассказана самим учителем Минем)

Добрые люди не должны в подавленном состоянии даже в малой степени ненавидеть врагов, сколь плохи они ни были бы. Стоит, подобно желанию, возненавидеть саму ненависть. (488)

Только сильный человек, имеющий великое мужество побеждать ненависть любовью, – истинный Мудрец». (490)
«Гуру Вачака Коваи»

Минь (который тогда не был мастером) родился во вьетнамской деревне, которую он сам называл совершенно обыкновенной. Семья, правда, у него была не совсем обычной, но, по вьетнамским меркам, тоже ничего особенного. Дедушка специализировался на лечении иглами и травами, а папа держал деревенскую школу боевых искусств. Вообще Минь рассказывал, что только в самых глухих деревнях настоящие мастера и остались.

– Конечно, – говорил он, – в городах тоже умеют драться, все хулиганы учатся этому, но умеют они достаточно плохо и искусством назвать это *никак* нельзя. Я сам много жил в больших городах и в каждом из них много дрался, но так ни разу не получил. У нас все просто: переезжаешь на новое место и идешь вечером на улицу. Правда, некоторые любители подраться предпочитают ходить на городские танцы, но я все-таки больше люблю для этой цели городские улицы – нужно только выбрать подходящую, где много шпаны и совсем не бывает милиции. Гулять долго не придется – хулиганы тебя сами найдут. Это процедура такая – проверять «на прочность» каждого нового молодого человека. Очень похоже на поведение обезьян в джунглях. Каждая из них должна завоевать свое место в стае. На улице такая же стая и такие же обезьяны, только хитрее и опаснее. В настоящих обезьянах есть даже некоторое благородство. Я имею в виду не всякую мелочь, а горилл. Вообще горилла – это существо, обладающее огромной силой духа, куда там некоторым людям. Она никогда не сдастся, убить ее руками или ножом и остаться в живых невозможно. Этого даже я не смогу. Да что там я. Даже мой учитель Ван, который всю жизнь охотился на тигров с луком и ножом, не смог бы. Горилла «обнимает» человека, с которым дерется, и уже не отпускает его. Тот может бить ее ножом сколько угодно. Она, конечно, умрет от ран, но и своего врага задушит наверняка.

У городских хулиганов, разумеется, нет ни такой готовности умереть, ни привычки драться один на один, однако к обычным дракам они вполне привычны, драться они любят, можно сказать, они этим живут. Практически все они из бедных семей, других развлечений у них просто нет. Друг с другом им скучно, уже известно, кто на что готов, кто самый сильный, кто самый слабый, а кто просто трус. И тут на фоне этой скуки появляется новый персонаж. Как же тут удержаться, чтобы не попробовать «на зуб» нового человека.

Всякий раз, попадая в новое место, я отправлялся туда, где собиралась эта шпана. Искать их никогда не приходилось. Приходишь на окраину и видишь их сразу, они всегда стоят отдельно, нормальные люди их обходят.

И тут прихожу я – богато одет, на ногах сверкающие туфли, в зубах самая дорогая сигарета. Правда, есть одна незаметная деталь: на правой голени двумя ремнями прикреплены ножны. В ножнах – нож, очень острый. Его, конечно, не видно – спрятан под штаниной. Благо, в те времена в моде были брюки клеш, под широкими штанинами (а у меня всегда были самые широкие и самые модные брюки) которых можно было спрятать целый арсенал, а не только нож. И в таком виде иду я прямо к ним и прошу (очень нагло!) быстренько дать

мне спички или зажигалку – прикурить. Они дуреют, это же они каждый вечер выбирают человека покрепче и требуют (это, понятное дело, для начала) у него дать им закурить.

Но у этих парней быстрая реакция (причем всегда одинаковая), они мгновенно приходят в себя и сразу берутся за меня всерьез. Я обычно их сначала даже не бью. Это они бьют, но почему-то не попадают. А потом как получится.

Был у меня однажды такой случай. Прибежал мой троюродный или «четвероуродный» (точно не помню, запутался, в общем, «седьмая вода на киселе») брат, которого я, честно говоря, не слишком люблю – уж очень он хвастливый. Драться умеет не очень (так, стандартная полугодовая подготовка спецназа), а всем рассказывает, какой он большой мастер. В тот раз нарвался он на шестерых человек с палками. Ну, те его, само собой, отлупили. Он кое-как пришел в себя и бегом ко мне. А я лежу сильно пьяный и выходить мне куда совершенно неохота. Тем более получил мой братец за дело, уж я-то его знаю. Так что сначала я ему добавил «от себя» – скотина такая, говорит, что он мастер, а сам не может защитить себя от какой-то деревенщины (всего 6 человек!) с палками. Но подумал и решил все-таки выйти, заступиться за него, а то эта деревенщина будет потом всю жизнь на каждом углу рассказывать, как они мастера отлупили.

Ну, вышел я, а эти дурачки, как я и думал, куда не ушли, смеются, радуются, как они настоящего мастера одолели. Ну, думаю, сейчас я вам *настоящего* мастера покажу. Будь это в джунглях, я бы, конечно, всех их убил. Но город – не джунгли, к тому же место и время были совсем неподходящие. Летний вечер, светло, много народу кругом, бабушки сидят на скамеечках, отдыхают, разговаривают. Ну ладно, повезло ребятам, урок им, конечно, будет, но полегче. Сказал я этим придуркам, что думаю о них, их родне, всей их деревне, откуда они приперлись в большой город, где таким, как они, делать нечего. Да и о том «мастере», которого они отколотили, тоже сказал.

Слушали они, конечно, недолго, я и половины не успел сказать, у нас есть такие замечательные ругательства, хуже даже, чем русские. Так что вместо того чтобы подумать, кто я такой и почему себя так веду, они набросились на меня.

Бабушки на скамейках сначала испугались, стали кричать «спасите, человека убивают», но вскоре увидели, что хотя эти дурачки палками машут, но никто из них почему-то не попадает. А у нас хотя по-настоящему воинскому искусству почти никто не обучен, но все знают, что такое есть. Так что бабушки быстро поняли, кто я такой, что я умею и что происходит, перестали кричать и стали мне аплодировать. Приятно было, поэтому я продолжал «играть» с этими щенками. Тут совершенно неожиданно появилась милиция. Надо сказать, я этому очень удивился, у нас они приезжают очень не скоро и очень редко. Беспокоиться мне было нечего, у нас в стране очень уважают настоящих мастеров и есть неписанный обычай – если в уличной драке замешан мастер, его отпускают без разговоров. Все знают, что мастера просто так не дерутся, а вот тот, кто связался с мастером, точно был не прав. Его забирают в кутузку и там спрашивают по полной выкладке.

Я не знаю случаев, когда бы это правило не действовало. Милицию тоже обучают рукопашному бою, причем очень уважаемые мастера. И если такой наставник узнает, что его ученики-милиционеры взяли другого мастера без серьезнейшего повода, то обычная, так сказать, среднестатистическая норма побоев на занятиях сменится кошмаром. И никто такому мастеру слова не скажет, наоборот, похвалят («у сурового учителя хорошие ученики»): он должен учить рукопашному бою, он и учит, старается. Если кого-то и покалечит – не беда, новых наберут, больше будут стараться. У нас не Европа, жизнь и здоровье человека недорого стоят.

Один из моих учителей, многоуважаемый мастер Ван, зарабатывал (в основном охотой на тигров и иногда лечением) по нашим меркам более чем прилично, денег почти не тратил

и все их хранил у себя дома в тумбочке. Правда, иногда он дарил очень крупные суммы (помоему, он их не считал, просто отмеривал на глаз или по весу) тем, кому считал нужным, – ученикам, пациентам, иногда совершенно незнакомым и даже подозрительным людям. Но через некоторое время тумбочка снова наполнялась, совсем пустой я ее никогда не видел. Представить трудно – полная тумбочка денег! Дом не запирался, тумбочка тоже, так что про эти деньги знала вся деревня. Украсть никто не пытался (боялись старика очень, он был еще и мастером Кхи-Гонг и слыл колдуном), но завидовали многие. В общем, кто-то из завистников сообщил в милицию, что у старика куча (так оно и было – куча не слишком аккуратно сложенных банкнот) денег. А откуда у простого старика может быть такая сумма?

На письменное заявление милиция не могла не отреагировать, так что пришлось выезжать, проверять «сигнал на месте». К кому они едут, милиционеры из анонимного письма знали весьма приблизительно (знали бы точно – вообще бы не поехали), но на всякий случай приехали пятером (потом я узнал, что все они считались экспертами рукопашного боя). Больше просто в легковую машину не влезло, а нанести уважаемому человеку «визит» на нескольких машинах было бы просто неприлично. Решили бы, что милиция боится «беззащитного» старика-лекаря.

Что происходило в хижине, я не знаю, так как пришел только к финальной сцене. Я совершенно не понял, что произошло, увидел только, как милиционеры по очереди вылетели в одно и то же окно. Самое смешное было дальше: видимо, они поняли, с кем имели дело, поэтому никто из них не только не потянулся за оружием (у каждого была кобура с пистолетом), но и не произнес ни слова. Все молча встали, отряхнулись, сели в машину и уехали в явной спешке.

Одного из этих пятерых я знал (когда-то проводил занятия у них в группе) и не поленился через несколько дней съездить поговорить с ним.

И он поведал мне о том, что сказал им, увидев их разбитые лица, их «милицейский» мастер рукопашного боя. «Вы идиоты, – орал он, – вы такие идиоты, что я даже бить вас не буду. Не поможет! Да вы хоть знаете, с кем связались?! Он старый и больной, он еле ходит, все об этом знают. Но таких, как вы, может убить десятком голыми руками, не сходя с места. Но это чепуха. Он же мастер Кхи-Гонг. Он перекроет тебе ток энергии (для этого ему много не нужно, просто потрогает тебя за руку, или косо посмотрит на тебя, или сыграет на флейте у тебя под окном) и ты не сможешь есть, ты оглохнешь, ты умрешь через месяц. Всем известно, что этот старик сумасшедший, просто за бранное слово он может наказать человека так, что тот будет помнить всю жизнь. Это *традиционный мастер Кхи-Гонг*, слышите, вы, идиоты. Таких нужно или вообще не трогать, или убивать сразу – пулю даже он не остановит. Правда, такую ситуацию он почувствует заранее. Так что ваше счастье, что у вас дурного в мыслях не было. Иначе сейчас я бы уже ехал к нему умолять, чтобы он восстановил вам движение энергии там, где он ее перекрыл. И все равно мне к нему ехать, извиняться за вас! И что он мне скажет, я даже думать не хочу».

И действительно, я сам видел, как «милицейский» мастер приезжал к моему учителю. Тот был в хорошем настроении, сказал, что совсем не в обиде. Даже наоборот. Приехали мальчики, развлекли его, старика. Если им понравилось, пусть еще приезжают. Если будут себя вежливо вести, то дедушка им позволит «поиграть» со своим любимым учеником Минем (это он меня имел в виду). Только пусть мальчики имеют в виду, что Минь не такой добрый, как дедушка. Он еще молодой, злой, одними синяками там не обойдется, потом придется долго лечиться. Но это ничего. Надо будет, дедушка сам же и полечит.

Подобных историй я знал немало. Была история, когда милиция делала вид, что не знает о смертельном поединке, смотреть который съезжались со всей страны. Наоборот, они переодевались в гражданское и сами шли смотреть на это зрелище.

Поединок был принципиальный. Вьетнамский мастер уехал в Таиланд и, забросив национальное боевое искусство, многие годы занимался традиционным тайским боксом у лучших мастеров Таиланда. Его возвращение в страну, разумеется, не прошло незамеченным и был организован поединок между «изменником» (ставшим к тому времени известнейшим тайским боксером) и лучшим тогдашним мастером Вьетнама, бойцом настолько сильным, что, когда он делал нижнюю подсечку, пальцы его босой ноги взрыхляли землю, как плуг.

Но тут, однако, нашла коса на камень. Никто никого не убил и поединок вроде бы закончился вничью. Однако старые мастера, наблюдавшие это смертельное «шоу», утверждали, что «таец» был точно сильнее и, продлись бой еще немного, «отечественный» боец точно бы проиграл.

Видимо, он и сам так думал, поэтому решил закончить дело «по гамбургскому счету». Узнав, что «таец» работает водителем-дальнобойщиком, он, вооруженный простой палкой, вышел на шоссе, по которому должен быть ехать «таец».

«Таец», будучи воином до мозга костей, узнав «отечественного», остановил машину и вышел ему навстречу. При этом, видя, что его противник вооружен, он прихватил с собой монтировку. Далее все произошло, как рассчитывал «отечественный», который знал, что в тайском боксе не упражняются с оружием так настойчиво, как это делают во Вьет-Во-Дао. Поединок, как это и предполагалось с самого начала, закончился смертью. Смертью «тайца», который, однако, успел оставить метку «отечественному», лишив его зрения на один глаз. Разумеется, все знали, кто убил водителя-дальнобойщика и почему самый сильный мастер Вьетнама неожиданно ослеп на один глаз. Но никто из милицейских и пальцем не пошевелил, чтобы уличить убийцу.

Зная все это и имея в кармане мастерское удостоверение (без него я из дому не выходил), я был совершенно уверен, что милиция мне голову морочить не будет. Просто заберет тех шестерых ребятишек с палками и повезет их учить уму-разуму. Однако я забыл, что был сильно, как бы это помягче сказать, выпивши и старший милиционер решил все-таки выяснить у свидетелей, что же на самом деле тут произошло. И бабушки, которым я только что устроил представление, меня не подвели. Они дружно, будто сговорившись заранее, рассказали, как эти шестеро негодяев избивали палками одного несчастного молодого человека. И только один затесавшийся среди них дедушка неожиданно сказал: «Точно, били они его долго. Только никак понять не могу, как это они ни разу не попали». Услышав «народную версию» происшедшего, старший милиционер тонко улыбнулся, вежливо взял под козырек и уехал, забрав с собой хулиганов, чуть «не убивших» уважаемого мастера.

*

Уехав из Вьетнама, я никак не мог понять, как западные любители воинских искусств осмеливаются называть себя мастерами. У нас совсем не так. Учитель не торопится давать ученику мастерский пояс, а ученик (умный) так же не торопится его получать. Логика здесь простая: пока я ученик, я никого не интересую, что взять с ученика. А вот у мастеров свои счета, сводя которые можно получить тяжелое увечье или даже погибнуть.

В детстве, живя еще в деревне, я был свидетелем, как выясняли отношения два традиционных мастера. Причем оба они были в очень почтенном возрасте, когда нормальные люди сидят дома и растят внуков, а то и правнуков. Эти же двое всю жизнь спорили, чье мастерство «утонченнее, чище и выше», и наконец на старости лет решили выяснить, кто из них *на самом деле* круче.

Поступили они просто. Сообщили всем, что уходят в уединенное место, откуда вернется только один из них. Рано утром они взяли лодку и отправились за реку. Место это я

знал, так как часто ходил туда подглядывать, как они тренируются. Мои дед и отец, разумеется, об этом знали, но делали вид, что не замечают моих отлучек. Тогда мне казалось, что я очень хитрый и нашел способ обвести их вокруг пальца. Потом, когда у меня появились свои ученики, я понял, что они тогда делали: давали мне возможность учиться у других мастеров, причем не из-под палки, а как бы «по секрету», чтобы мне было еще интереснее. Они знали, что, если они начнут меня посылать смотреть, как занимаются какие-то дедушки, мне тут же станет скучно. А вот тайком...

Так что место мне это было хорошо знакомо, поэтому я вплавь пересек реку и добрался до него еще до того, как туда на своей лодке прибыли старики. Такого скучного зрелища, как их схватка, я в жизни не видел. Старики стояли друг напротив друга больше двух часов. Как я тогда вытерпел и не смылся, я не знаю. Удерживала одна мысль: сейчас два больших мастера покажут все, на что они способны.

Однако финал меня тоже разочаровал. Они на мгновение сошлись (когда покой перешел в движение, я не заметил – вот они стоят на расстоянии метров трех, а вот они уже рядом) и один из них очень медленно опустился на землю. Второй посмотрел на него, тяжело вздохнул, повернулся и побрел к лодке. Глядя на него, трудно было представить, что он может двигаться с такой скоростью, как только что.

Я был маленьким и не решился подойти к человеку, который лежал на земле. Наоборот, я постарался как можно быстрее покинуть это место. Когда я вернулся в деревню, там не было никакой суеты. Все видели, что ушли двое мастеров и что вернулся только один. Что ж, это их дело. Оставшийся на другом берегу старый мастер был одинок, поэтому никто его не оплакивал и не задавал вернувшемуся старику никаких вопросов. Все знали: у мастеров свои правила и за свое мастерство они отвечают своей жизнью.

Но в этот раз произошло неожиданное. Ближе к вечеру второй старик вернулся. Я сам слышал, как люди говорили ему: «Ты вернулся? А мы думали, тебя убили». И никаких более эмоций!

Примерно в таком же духе учили и меня. Мне никогда не говорили «драться», мне говорили «играть». Мне никогда не говорили «победить», мне говорили «убить». А про жалость мне вообще ничего не говорили.

Учить меня начали в пять лет. Вообще во Вьетнаме принято обучать детей не раньше чем с шести лет, чаще всего начинают лет с семи – девяти, потому что с маленьким ребенком трудно: он ленится, не хочет заниматься, мало понимает. Кроме того, он слабый и надо точно знать, как его учить, иначе потом в зрелом возрасте могут быть серьезные проблемы и с физическим здоровьем и с психикой. У нас в семье знали, как обучать детей и взрослых, – это было наше семейное дело с XV века.

Вначале со мной занимался дед. Вся деревня знала его как лекаря и только немногие старожилы помнили, что в молодости он было больше известен не как человек, оказывающий медицинскую помощь, а как человек, после встречи с которым медицинская помощь вполне могла потребоваться.

Дед и сейчас был в прекрасной форме, которую «вовне» он никак не демонстрировал. Маска у него была совсем другая: неторопливый, добрый, седенький, старенький, всегда улыбающийся лекарь. Сам он это мне объяснял так: «Твой отец преподает воинские искусства, он может себе позволить быть суровым, ведь он сейчас никого не лечит, разве что своих учеников, которых сам же и повредил. А кто я такой? Я добрый старикашка, который должен нравиться (и до сих пор мне всегда это удавалось) детям, их мамашам и папашам. Грозный лекарь может прекрасно лечить, но кто к нему пойдет лечиться?»

Разумеется, я знал, что дед сам учил отца всему: и воинским искусствам, и медицине, и Ци-Гун. Но как это происходило, я никогда не видел и мне всегда было интересно, кто из

них лучший боец. Только став мастером, я решился спросить об этом у деда. Вопросу дед не удивился и ответил так: «Мы примерно равны. Я старый и твой отец сейчас движется быстрее меня, он сможет кружить возле меня часами и я не смогу его атаковать, потому что не смогу догнать. Он же просто не сумеет ко мне подойти, потому что я мудрее, опытнее, у меня более изысканная техника и я наперед знаю, что он собирается предпринять».

Учил дед сурово. Помню один праздничный завтрак. Вся семья сидит за столом, я (мне тогда было лет шесть) – со всеми. Нет только деда. Все сидят, терпеливо ждут, без главы семьи никто не начинает. Заходит дед и, не меняя выражения лица, бьет меня палкой по голове. Руку я успел подставить, но неправильно (не «вскользь», как меня учили, а прямо поперек движения дедовой палки), и предплечье оказалось сломанным. Когда я заплакал, отец, не говоря ни слова, ударил меня по лицу. Сильно. Плакать было нельзя. Женщины (бабушка, мать, сестры) сидели молча. Мужские дела их не касались. Если дедушка ударил внука и сломал ему руку – значит так надо. Он старший, он учитель, он знает, что делает.

После этого отец с дедом наложили на сломанную руку лубок из бамбука, намазали лекарством и все отправились завтракать. Говорить больше было не о чем.

*

Примерно таким же способом меня учили Ци-Гун. Разумеется, дедушка знал Ци-Гун высшего уровня, но мне не преподавал – мал еще. Меня он заставлял стоять «в столбе» и обучал методу «железной рубашки».

Однажды (лет мне было 9–10, точно не помню) ему показалось, что я недостаточно серьезно занимаюсь и пришло время это мне продемонстрировать. Для этого он велел привести маленького буйвола (не такой уж он был и маленький, ростом чуть меньше меня) и велел мне свалить (а лучше убить) его ударом кулака в загривок. Мне это не казалось сложным – я видел, как отец так валил огромного взрослого буйвола. Наоборот, было интересно: хотелось проверить крепость моих рук и силу удара. Помню только, что, глядя на мою радость, дед как-то нехорошо улыбался.

Ударил я изо всех сил, но фокус не удался. Буйволенок возмущенно заревел, а у меня оказалось сломано запястье. Тут дед удивил меня: он точно знал, что все именно так и будет, потому что у него уже стояла наготове корзина с лубками для фиксации запястья. Переломы он лечил не за месяц, как обычно, а за неделю. Так что через неделю я снова занимался. Можно не говорить, что старался я совсем иначе. Через полгода дед решил повторить эксперимент. На этот раз, придя, он демонстративно широко развел в стороны пустые руки, показывая, что у него с собой нет никаких «лекарских приспособлений».

И опять он оказался прав. Я ударил, буйволенок упал на колени. Я с удивлением посмотрел на свою руку – никаких ощущений, как и не бил по железному буйволиному загривку.

Когда мне было лет десять, дед частично передал мое обучение отцу. Сам он объяснял это тем, что основу он заложил и пришло время мне заниматься с другими людьми, такими же молодыми, как я. Так что я стал ходить в школу отца и тренироваться с другими его учениками, которые были минимум лет на пять старше меня. Это была не простая жизнь. Занятия три раза в день с разными группами, в каждой из которых отец собирал людей с разной квалификацией. И не было в группе человека, которому доставалось больше, чем мне. Сам отец никогда не бил меня при других учениках, но он ставил меня в пару с самыми сильными своими бойцами. Те поначалу жалели меня, но отец, видя, что они снисходительны ко мне, кричал на них, что те не бьют меня сами, потому что хотят, чтобы я остался неумехой и чтобы потом меня били другие. Тех, кто не понимал с первого раза, он начинал бить сам.

Так что выбора он им не оставлял: либо они будут бить меня, либо будут получать сами. Понятно, что синяки, ушибы и ссадины у меня не проходили никогда. Болело все тело. И, главное, было обидно. Отец ничего не объяснял, он учил меня хуже, чем всех остальных. На мои вопросы он или вообще не отвечал, или бурчал что-то вроде: «Я всем показывал на занятиях эту технику. Все поняли, до тебя одного никак не дойдет. Смотреть внимательнее надо было».

Такой кошмар продолжался года три. Это я теперь понимаю, что они с дедом играли в плохого и хорошего полицейского. Я должен был захотеть получить эти знания, очень захотеть, понять, что мне без них не выжить. И однажды до меня вдруг дошло: дед! Раз отец не хочет меня учить, как положено, то единственный человек, который поможет мне, – это только дед. И я стал ходить к деду, рассказывать, как меня побили на этот раз. Дед внимательно слушал, просил показать, как было дело, и объяснял, что и почему я сделал неправильно. Я его даже умолил лично явиться и посмотреть воскресные поединки, на которых мне доставалось больше всего. Дед сначала делал вид, что ему некогда, да и неохота, но потом пообещал, что постарается прийти, если удастся перенести прием пациента.

Скорее всего, никакого пациента у него на это время назначено не было (он не любил работать по выходным), просто ему нужно было дать мне понять, кто из нас на самом деле заинтересован в обучении.

Разумеется, в воскресенье дед явился посмотреть на поединки. Казалось, смотрел он невнимательно, но, разумеется, увидел все. Когда занятие окончилось и остались только он, отец и я, дед сказал, что никто ничего не умеет, что в его времена таких учеников гнали в три шеи, что все они никуда не годятся, но хуже всех – я.

Когда я, огорченный своей «никудышностью», явился на завтра к нему, разговор был уже совсем другим. Ни одного лишнего слова. Показ ошибок, их исправление и объяснение, почему я получил в том или ином поединке и как следует работать с тем или иным противником. Конечно, я знал, что дед – мастер, но что он умел имитировать манеру боя любого человека, я и представить себе не мог. За вечер он «притворился» каждым из учеников, с которыми у меня были поединки. Имитация была потрясающей: набор техники, манера боя и даже уровень подготовки.

Поработав со мной вечер, дед позвал отца и сказал, что тот совершенно не умеет учить, что он забирает меня на три месяца и что через 100 дней я «уделаю» всех его учеников.

Далее передо мной была разыграна классическая сцена в стиле «добрый и злой полицейские». Отец разыгрывал недоверие, а дед – уверенность, что уж он-то настоящий учитель (в отличие от своего сынка и моего папаша) и сумеет подготовить меня за очень короткий срок. Например, не за три года (которые я потратил зря, занимаясь у отца), а всего за три месяца.

Теперь-то я понимаю смысл этой сцены. Я был готов (давно готов), только не знал об этом. Оставалось навести окончательный лоск и я мог вполне управиться со своими тогдашними соперниками. Пусть они были старше и сильнее меня, но никто их не обучал так, как меня.

Итак, отец и дед поспорили: если через три месяца на воскресных поединках никто из отцовской группы меня не одолеет, то отец, как в молодости, три месяца будет собирать деду лечебные травы. Если же я проиграю хоть кому-то из них, то дед придет на занятия к отцу и скажет всей группе, какой хороший учитель мой отец.

Я остался в полном «подчинении» у деда на три месяца. Я всегда знал, что старик полон сюрпризов, но и в этот раз ему удалось меня удивить. Во-первых, у него оказалась собственная хижина, спрятанная в джунглях. Причем весьма ухоженная и обжитая. Когда я стал думать, кто же смотрит за домом (ведь дом в джунглях без человеческого присмотра

быстро ветшает), выяснилось, что, во-вторых, у деда есть еще ученики. Вот это действительно был сюрприз. Старикашка-лекарь по-прежнему учит людей воинским искусствам! Учеников было двое, оба лет по тридцать, крепкие и какие-то патологически спокойные парни. Судя по тому, как они себя вели, сразу было понятно, что деда они уважают, может, даже и побаиваются. Скорее, даже боятся. Заметив мое удивление при виде этих людей, дед наклонился к моему уху и тихо сказал: «А с кем, ты думал, тренируется твой отец? Ну не со своими же собственными учениками-недоумками».

Было кое-что еще и в-третьих. Оказалось, что в этой новой для меня роли дед выглядит совсем иначе. Совсем не старый, с прямой спиной, развернутыми плечами и властным взглядом. Седые волосы не старили его, а придавали его внешности какой-то оттенок внутренней мудрости.

Почему-то я сразу понял, что именно это и есть его настоящий облик, а «старикашка-лекарь» – не более чем маска, которую дед по какой-то причине предпочитал носить. Кстати, потом он открыл мне еще одну причину (одну из многих), для чего ему эта маска. Просто раньше дед был одним из самых сильных бойцов страны. И много людей приходили издалека для того, чтобы помериться с ним силой. Когда ему это надоело, он решил резко «состариться» и превратиться в безобидного старика. Сейчас эту безобидность как ветром сдуло. Передо мной стоял суровый и опасный человек. Я бы даже сказал, *очень суровый и очень опасный*.

Видимо, нас ждали, потому что ученики сразу же подали обед не на троих, а на четверых. Надо отметить, обед был прекрасным, видимо, кто-то из них умел хорошо готовить. Глядя, как я уплетаю, дед проговорил: «Смотри и учись у них. Всему тебя научить мы с отцом не сможем, так что тебе еще придется побывать в их шкуре, в роли ученика, живущего при учителе. Поэтому запомни сразу: голодный или плохо накормленный учитель пребывает в плохом настроении, плохо учит, не открывает секретов и бьет больше, чем сытый».

Когда мы поели, один из учеников собрал посуду и отправился на реку мыть ее. Перед тем как уйти, он вопросительно взглянул на деда. Тот отрицательно махнул головой: «Нет, будет только учиться. Готовить, убирать, мыть посуду он не станет, у него нет на это времени. Через три месяца он должен победить людей старше, сильнее и опытнее, чем он. И вы ему в этом поможете».

Через пару часов после обеда мы приступили к занятиям, которые стали носить совсем другой характер. Обучение шло целый день, с перерывами на еду и обязательное купание в реке (которое дед, разумеется, сумел превратить еще в одну тренировку). Никакой физической подготовки. Только отработка техники и поединки с обоими дедовыми учениками. Хотя учениками их можно было назвать только с очень большой натяжкой. Мой отец, конечно, был сильнее, но с ними двумя одновременно, думаю, даже он бы не управился.

Проводя поединки с учениками деда, я впервые понял, чем тренировочный поединок с мастером отличается от ученических драк. Мастер никогда не покалечит партнера (если, разумеется, не захочет этого), а ученики молотят друг друга почем зря, так что кому-то вполне может серьезно достаться.

Если короче, то за все три месяца ежедневных многоразовых поединков у меня не было ни одной травмы. Разумеется, болело все тело, но ни разу деду не пришлось лечить меня. Все проходило как-то само собой.

За каждым поединком наблюдал дед. Он комментировал каждую мою ошибку, исправлял ее и заставлял делать правильно до тех пор, пока ему не начинало нравиться то, что я делаю.

То, чему меня сейчас учили, было предельно агрессивно. Защиты наша семейная школа практически не признавала, разве что в качестве исключения. Отход назад тоже очень не приветствовался. Дед говорил так: «Когда ты отходишь назад, то рано или поздно обяза-

тельно наткнешься спиной на препятствие или он тебя догонит, потому что он идет вперед, а ты назад. А идти вперед быстрее, чем назад». Примерно через два месяца таких занятий я заметил, что перестал думать и перестал бояться идти вперед, «под атаку».

Однажды вечером, когда дедовы ученики думали, что я уже сплю (обычно я засыпал раньше, чем добирался до кровати, а в этот день завозился на пять минут дольше, чем обычно), они заговорили обо мне: «А внук-то у дедушки ничего, скоро точно мастером будет. Ему только бы еще ума немного и силы побольше».

Три месяца пролетели быстро. Календаря у меня не было, поэтому я сначала пытался считать дни, но скоро сбился и плюнул. Я понял, что срок подходит к концу, когда во время поединков дедовы ученики перестали меня бить. Разумеется, они по-прежнему били меня, но теперь делали это с такой скоростью, чтобы я мог избежать удара. Стало понятно, что мне дают возможность прийти в себя перед решающим выступлением.

Дед все рассчитал точно. Утром, когда он сказал, что настал день поединков, я чувствовал себя прекрасно. Тело, избавившись от ставшей уже привычной постоянной боли, просто ликовало.

Один из учеников подогнал телегу, на которой дед обычно ездил по пациентам, мы с ним сели в нее и поехали. В момент, когда дед взял в руки вожжи, он снова превратился в привычного мне с детства старикашку-лекаря. Кстати, интересно, кто заботился о его пациентах эти три месяца, которые он отсутствовал? «Кто, кто, – проворчал дед (он почти всегда знал, что я хочу спросить), – твой отец – вот кто».

У деда было совершенное чувство времени (не помню случая, чтобы он спешил или пришел куда-то не вовремя или некстати), так что приехали мы как раз к началу воскресных поединков.

Тренировка группы закончилась и все поглядывали друг на друга, прикидывая, кого с кем в пару поставит мастер сегодня.

Однако сегодняшней сценарий оказался неожиданным даже для меня. Дед лично вывел меня в центр круга, оглядел учеников отца и сказал, показывая пальцем на меня: «Он ваш». После чего подмигнул мне и проследовал к своему почетному месту.

Сначала никто ничего не понял. Наконец самый решительный осмелился робко переспросить:

– Можно? – показывая пальцем на меня.

– Можно, можно, – благожелательно закивал дед. – Конечно, можно, всем, кто хочет, всем можно.

Я опешил. Мне казалось, что все будет, как всегда – три поединка, с не самыми сильными соперниками – куда мне до них. Но чтобы любой мог выйти «играть» со мной... Да и сколько таких желающих еще наберется – ведь меня, учительского сынка, в группе не слишком жаловали.

Так что дед в очередной раз удивил меня, точнее сказать, «развел». Но тут неожиданно выяснилось, что он продемонстрировал еще не все свои фокусы. Понял я это, когда взглянул на него. Сидел он спокойно, но смотрел на меня как-то «не так». Вдруг я почувствовал, что тело наполняется внутренним жаром, кровь буквально закипает в жилах, а ладони теряют чувствительность и раскаляются.

Сразу вспомнил, как два дедовых пациента говорили о своих ощущениях, когда он делал им какое-то «излучение внешней Ци», и о том, как они излечились после этого. Что это такое, я тогда не понял, но какая-то общность моих ощущений с тем, что они рассказывали, явно была. Только, похоже, мои были сильнее. Видимо, дед решил, что пришло время показать мне еще кое-что из своего, казалось, неисчерпаемого арсенала – фокус с Ци-Гун.

Пока я думал, что это все-таки такое, ощущения продолжали меняться. Пришло ощущение уверенности, полного спокойствия и очень большой силы. Все вокруг стало заметно

живее и ярче. Теперь предстоящие поединки меня не то что не пугали, они меня вообще не беспокоили.

Я снова посмотрел на деда – он слегка улыбался. Так же улыбался и отец. Впервые я заметил, как они похожи.

Пока я наблюдал за своими внутренними ощущениями и глазел по сторонам, события вокруг меня разворачивались по запущенному дедом сценарию и первый из желающих задать мне жару уже выскакивал на помост. Когда он делал свой первый шаг, я уже точно знал, что он будет делать. Появление этого ощущения вызвало у меня восторг. Это, несомненно, и было то самое «чувство», которое в нашей школе считалось самой главной составляющей мастерства. Слышал я о нем с первых дней занятий, видел много раз, как дед и отец успевали сделать то, что никак не успели бы сделать, не зная они о намерениях противника едва ли не раньше его самого.

Но одно дело видеть – другое почувствовать самому. Оказалось очень удобно. Можно было начинать защиту в момент, когда только противник подумал об атаке, то есть еще до ее фактического начала.

Тут же я смог удостовериться, что это работает. Первый мой противник вылетел из круга, не успев ничего сделать. Со вторым произошло то же самое. Бить их, причинять боль мне уже было неинтересно, я понял, почему в нашей школе говорят «играть», а не «драться». Я знал каждую их мысль, каждое намерение, предугадывал каждый шаг. Я действительно играл с ними. Играл, как кошка с мышью. Никто из них не понимал, в чем дело, ясно было только, что я совершенно не такой, каким они меня знали всего три месяца назад. Заметив это, на помост, не торопясь, стали подниматься старшие ученики. Все намного больше, сильнее, техничнее и опытнее меня. Бесполезно, тут играли главную роль чувство и ум, а не грубая сила и техника. Кстати о силе: поединки все продолжались, а ни малейшей усталости я не ощущал. Наоборот, был явный эмоциональный подъем: мне казалось, что, будь у меня крылья, я бы уже взлетел.

Все закончилось неожиданно. Я и не заметил, как иссяк поток желающих «поиграть» со мной. Я даже не знал, сколько времени прошло с момента, когда все это началось.

Взглянул на отца с дедом. Они о чем-то очень тихо говорили: дед настаивал, отец не соглашался. Оказалось, что мой слух тоже обострился и я мог слышать, о чем они говорят.

– Не при всех, – говорил отец.

– Именно при всех, – нажимал дед. – Такое мастерство в таком возрасте! Загордиться может. Тем более он не понимает, что все это открылось исключительно на моей энергии. Самому ему еще лет десять Ци-Гун заниматься пришлось бы.

– Ладно, – согласился отец, – урок не помешает. Но ломать его, тем более прилюдно я не буду. Он и так все почувствует и поймет без рукоприкладства.

– Конечно, конечно, ломать ни в коем случае не нужно. Просто дашь ему понять, что за этими небесами есть еще и другие небеса, – тут же согласился дед, уже поняв, что отец согласился. Еще бы он не согласился! Он мог послушаться кого угодно, кроме деда.

Сам не понимая, чего я жду, я все же не сходил с помоста. Я не знал, какой урок собирается преподать мне отец, но неожиданно обретенная интуиция подсказывала, что ничего еще не закончено, что самое неожиданное еще впереди.

Так и получилось. Со своего места встал отец. Мягкий прыжок и он на помосте, напротив меня. Точно на расстоянии трех шагов, точно, как они с дедом учили меня. Я прислушался, моя новая интуиция молчала. От отца не исходило никаких намерений. Он был, как бы это сказать, пустой. Потом эта пустота изменилась, наполнилась угрозой. Как это назвать, я не знаю, скорее всего тут бы подошло слово «присутствие». Хотя между нами было расстояние, казалось, что он совсем рядом: спереди, сзади, за спиной. Чувство незащитности было полное.

– Это тоже Ци-Гун, следующий уровень мастерства, – сказал он и спрыгнул с помоста. На эту сцену особого внимания никто не обратил. Ну, вышел папаша на помост, что-то сказал сынку. Может, похвалил, а может, что другое. Дело семейное.

На этом семейная, так сказать, часть обучения закончилась. Пришло время отдавать меня в «чужие руки». Было мне тогда тринадцать лет и я никак не мог понять, почему я должен идти учиться к кому-то, если и отец и дед могли меня еще учить и учить.

Объяснили мне это очень просто. Как сказал дед, несмотря на то что во Вьетнаме совершеннолетие по закону наступает в 16 лет, в нашей семье тринадцатилетний мальчик уже считается мужчиной, могущим принимать участие в семейном совете и несущим ответственность за свои поступки. В этом возрасте у нас считается желательным, чтобы он на какое-то время покинул семью, так как под опекой мамы, бабушек, тетушек, старших сестер он никогда не повзрослеет, как бы ни старались его отец и дед (при этом дед ткнул себя пальцем в не по-старчески широкую грудь).

Ну а кроме того, пришло неизбежное время меня бить по-настоящему (можно подумать, до сих пор меня не били), а не принято, чтобы отец (дядя или дед) бил своего сына (племянника, внука). Не способствует это формированию правильных отношений с подрастающим поколением. Поэтому ближайшие родственники учат сына до тех пор, пока тот не вошел в силу. А затем, если семья решит, что мальчик должен продолжать серьезное обучение, его отдают профессиональному учителю.

Это считается полезным со всех сторон. Иные методы обучения, другой стиль, да, в общем, все не такое, как дома. Разумеется, самым важным был выбор учителя. В нашем случае сделать этот выбор было совсем непросто, потому что учитель должен был быть сильнее, чем отец и дед (иначе вся затея теряла смысл), а таких во Вьетнаме было совсем немного. Если честно, то всего лишь одного очень старого мастера дед считал заметно сильнее себя. Звали его мастер Ван и именно к нему и решили отправить меня. Однако уговорить его взяться за меня было сложно даже для деда. Старик был очень непростой, многие считали, что он просто выжил из ума. Например, однажды (я об этом уже рассказывал) выбросил нескольких милиционеров «при исполнении» из окна.

Занятия, которыми он зарабатывал на жизнь, тоже могли показаться посторонним свидетельством его «неполного умственного соответствия».

Во-первых, он продавал тигриные шкуры, причем сам же охотился на тигров. Экзотика, конечно (тем более на девятом десятке), но отнюдь не показатель слабости ума. Если бы не одно «но». Он охотился исключительно в одиночку, причем в качестве оружия использовал лук. И это при том, что весь Вьетнам воевал и достать любое оружие было проще простого. Много лет спустя (тогда я уже у него не учился, но по-прежнему считался его учеником, ибо у нас в Азии связь между учителем и учеником считается пожизненной) я привез ему с войны в качестве подарка шикарный трофейный револьвер – огромный никелированный кольт. Ну, чтобы облегчить ему жизнь, так как старик был весь в шрамах от тигриных когтей, но по-прежнему не желал стареть и продолжал охотиться на полосатых кошек.

Старик был по-молодому любопытен и тут же ухватился за новую игрушку. Но когда я стал учить его целиться, то впервые заметил, что он действительно далеко не молод – рука, держащая тяжелый револьвер, заметно дрожала. Видимо, я чем-то себя выдал, потому что старик все понял. Но совершенно не обиделся. Наоборот, он ухмыльнулся и велел принести свой лук. Где висел этот лук, я прекрасно помнил еще со времен своего ученичества. Лук был очень старый, думаю, старше хозяина. В те времена, когда делали такое оружие, не было сверхлегких материалов и боевой лук весил, думаю, не меньше автомата Калашникова. Не переставая ухмыляться, старик взял его в вытянутую левую руку, а правой натянул до уха.

Со стороны могло показаться, что это просто, но я-то стрелял из этого лука и знал, что сила его натяжения примерно килограммов пятьдесят (кстати, сам старик вряд ли весил больше). Но фокус был не в этом. Как только мастер взял лук в руки, они перестали дрожать. Он стоял, как каменное изваяние, и мог находиться в этом положении (я это точно знал) не меньше двух часов.

– Это твое оружие никуда не годится, – сказал он, – от него даже у меня начинают дрожать руки. Вот лук – это хорошее оружие, проверенное, тигру обычно хватает одной стрелы. А если не хватит – у меня есть нож. Тут все честно: нож против когтей. Я лет семьдесят так охочусь и пока жив-здоров, и зарабатываю много. Так что заberi свой револьвер. Тем более он американский, а ты знаешь, как я их не люблю.

Второе его занятие было совсем странным и представляло собой часть лечебной практики. Он изгонял из людей сущностей, духов, как он их называл! Эту часть искусства он мне не передал, так что знания у меня тут скорее теоретические, хотя, думаю, он мне объяснил достаточно, чтобы я при необходимости смог «додумать» остальное. Но необходимости до сих пор, к счастью, не было. Видел я только эффект от этой практики. Выглядело, как чудо. Вот был человек бесноватый, а через мгновение – нормальный.

Еще была у него одна особенность, связанная с его темпераментом, который до самой старости оставался чрезвычайно горячим. Он очень любил порядок и стоило кому-то выругаться в присутствии женщин или детей... Ох, что тут начиналось... Хотя именно за эту черту его любили во всех соседних деревнях.

Если кто-то хотел, чтобы свадьба его сына или дочери прошла без драки (а надо сказать, такое считалось почти чудом) и деревенские хулиганы вели себя прилично, то в качестве самого почетного гостя приглашали моего учителя.

Тот любил любые проявления уважения к себе и такие мероприятия посещал с большим удовольствием. В такие дни он даже причесывался! Место ему отводили во главе стола, рядом с отцом жениха (почетнее не бывает и к тому же хорошо видно все происходящее). Учитель хорошо кушал, много выпивал, желал здоровья молодым и находился в таком хорошем расположении духа, что иногда даже пел песни (благодаря занятиям Кхи-Гонг у него был дивной красоты и силы голос). Но если кто-то решался пьяной выходкой нарушить его благостное настроение... Так что всем наперед было известно, что в этот вечер в деревне даже самые пьяные и буйные будут вести себя исключительно вежливо.

После нескольких лет занятий учитель стал брать на подобные мероприятия меня. Он прекрасно понимал, что при таком ритме занятий, как у меня, нужно обязательно давать человеку выйти в люди, потанцевать, выпить, в общем, выпустить пар. Кроме того, учитель, который приходит с учеником (а тот и сам мастер далеко не из последних), выглядит гораздо солиднее, чем учитель без ученика (да что это за учитель без учеников). Еще он точно знал, что, если я выпью как следует (в эти дни он меня ни в чем не ограничивал, давая полную свободу), меня потянет на подвиги и я точно найду, с кем подраться. Так что и отдых, и практика для ученика. Ему это было удобно еще и потому, что, когда он сам напивался больше положенного, я мог довести его до хижины. Конечно, и местные могли (почти бы за честь!) его довести или оставить ночевать у себя, но это была бы «потеря лица». А так престарелый, уставший учитель, опирающийся на крепкое плечо любимого единственного ученика, – зрелище, радующее глаз.

Да и местным жителям очень нравилось, когда я приходил. Учитель, как ему и подобает, важно сидел, снисходительно поглядывая на происходящее. Мне же (когда я как следует наедался и напивался) становилось скучно. Конечно, интереснее всего было пройтись по девкам (тем более что многие из них мне подмигивали), но это было бы таким вопиющим нарушением деревенских приличий, что даже учитель вряд ли смог бы меня отмазать от последующей женитьбы. А жениться мне не хотелось, так что я «поход по девкам» заме-

нял «походом по местным хулиганам». И если кто-то из них не успевал спрятаться... После таких мероприятий жители приходили к учителю, просили приходить почаще, говорили, что после наших визитов нарушители их покоя несколько дней «болеют» и совсем не выходят на улицу. Да и потом достаточно сообщить им, что кто-то решил пригласить нас в гости, как они становятся вежливыми и любезными.

Но это я сильно забежал вперед. Просто для того чтобы было понятно, к кому меня собирались отдавать в науку.

Попасть к нему в обучение было очень непросто по нескольким причинам. Деньги его не интересовали, их у него по деревенским понятиям было очень много. Это при том, что наследников у него не было, а на себя он практически ничего не тратил. Излеченные пациенты несли ему отборные продукты и чинили его хижину (он жил совершенно на отшибе, прямо в джунглях), их жены штопали его одежду, а похлебку из лечебных трав он мог сварить себе и сам.

Ученики его тоже не особенно интересовали. И дед мне объяснил почему. Во-первых, он честный человек и как попало учить не будет. А учить по-настоящему – это большая возня, причем не на один год, мастер Ван уже далеко не молод. Во-вторых, если традиционный учитель берет ученика, он принимает на себя ответственность за его судьбу и уже не может его выгнать без *очень* веской причины. А в-третьих, Ван, будучи очень сильным астрологом, никогда не брал ученика, чей гороскоп ему не нравился.

Учитывая эти обстоятельства, дед сам отправился к мастеру Вану договариваться насчет моего обучения. Меня он, разумеется, взял с собой (на случай, если учитель Ван захочет посмотреть на меня), но велел оставаться на улице и сидеть тихо, пока он не позовет.

Говорили они долго. О чем, не знаю, не подслушивал (не рискнул, хотя очень хотелось). В хижину меня так и не позвали – сами вышли ко мне. Мастер Ван был небольшого роста, но выглядел очень внушительно. Если раньше дед казался мне суровым, то теперь я понял, что его суровость – это далеко не предел. Лицо Вана не казалось злым, оно казалось маской, высеченной из камня (на счастье, позже я узнал, что он не всегда и не со всеми такой).

– Не знаю, хорошо для тебя, мальчик, или нет, но я берусь учить тебя. Твоего деда я знаю много лет, это уважаемый мною человек, надеюсь, что, начав обучать тебя, я даже стану его другом.

Да и звезды говорят, что я должен тебя учить, потому что больше учеников, которым я смогу передать так много, у меня не будет. Твою судьбу мы с твоим дедом тоже смотрели (очередной сюрприз, я не знал, что дед умеет составлять гороскопы). Что мы там увидели – тебе не скажу. Скажу только, что ты станешь настоящим мастером и что путь твой не будет легким. Правда, это я мог бы сказать и без всякого гороскопа: у меня было немного учеников, но все они стали мастерами и ни у кого из них путь обучения не был легким.

Дед скоро уехал (никогда не видел, чтобы он кому-то так низко кланялся), и я остался наедине с мастером Ваном.

Вещей у меня с собой никаких не было, да они мне особо и не требовались. Было тепло и я мог вообще ходить голым.

– По правилам я должен принять тебя в ученики, – сказал Ван. – Для этого ты должен поднести мне чай, а я должен этот чай у тебя принять. Но хорошего чая у тебя нет, приличной чашки у тебя тоже нет, а желания устраивать церемонию нет уже у меня. Сделаем иначе. Вот тебе набор трав для похлебки. Сваришь, мы с тобой поужинаем и я буду считать, что принял тебя в ученики.

Оказалось, что это был последний мой спокойный ужин, ибо сразу после него началось обучение. Ван сразу сообщил, что он старый, что времени у него мало и потому учить он меня будет круглосуточно – днем и ночью без перерыва.

Тут я ему не поверил, даже дед не учил меня по ночам. Так что и Ван вряд ли сможет, ему ведь тоже надо спать. Кстати, это был первый и последний раз, когда я не поверил учителю. Он говорил всегда правду. Мне во всяком случае. Его наставление по этому поводу звучало так: «Когда мы с тобой «играем» – нужно обманывать друг друга. Когда мы с тобой говорим – обманывать не нужно. Ведь я твой учитель, а ты мой ученик». Но в первый день я еще не знал, что Ван обманывать меня не будет никогда. Я просто видел перед собой хитрющего (на самом деле он был еще хитрее, чем казался) старикашку, который грозился сделать то, для чего ему потребуется сменщик для работы по ночам. А сменщика у него не было – старик точно жил один: одна тарелка, одна кружка, одна ложка. Для того чтобы найти второй комплект «посуды», ему пришлось долго рыться в своих сундуках. Кстати, посуда, которую он извлек оттуда, оказалась намного лучше, чем та, которой пользовался он сам. Да что там лучше – просто роскошная, явно знак уважения от какого-то очень не бедного и удачно излеченного пациента. Мне неудобно было брать эту роскошь, с такой посуды я никогда не ел. Да и нехорошо, что учитель ест из простой глиняной миски, а сопляк вроде меня – из тонко расписанной фарфоровой тарелки.

Ван заметил мои колебания.

– Мне все равно из чего есть и что носить, – сказал он. – Я уважаемый человек и могу это доказать кому угодно. Поэтому я могу себе позволить ходить в дерюге и есть деревянной ложкой. От этого отношение окружающих ко мне не изменится. Были, правда, умники, которые смеялись над моей одеждой. Ни к чему хорошему это не привело. Теперь уже никто не смеется. А ты молодой, тебе важна внешняя часть – как ты выглядишь, как одет, с чего ешь. Тебе нравится драться, ты любишь вид крови. Это молодость и со временем это пройдет.

На самом деле я тоже люблю вещи, но их качество, их внутреннюю суть. За ту одежду, которая на мне, деревенский старьевщик не даст и мелкой монеты, потому что знает, что никому не сможет ее перепродать. А вот тот лук, с которым я охочусь на тигров, стоит не меньше, чем самый большой дом в деревне. А мой нож – и того дороже. Это тебе полезно знать, потому что я буду тебя учить внутреннему стилю и ты должен будешь научиться чувствовать внутреннюю суть вещей.

И с этими словами он отправился спать. Глядя, как он укладывается и мгновенно засыпает, я подумал: и как же он собирается меня учить ночью, если сам дрыхнет без задних ног. Ну и пусть дрыхнет, лишь бы не храпел, а то в хижине одна комната, а спать снаружи не хотелось – джунгли все-таки. Но опасался я напрасно – дышал старик совершенно бесшумно, так что вполне можно было не тащить свой матрас наружу.

Улегся спать и я. Среди ночи мне захотелось, как бы это культурнее сказать, отлить. Об этом большом событии, казалось бы, можно и не упоминать, если бы именно этот момент и не стал началом моего обучения у Вана. *Настоящего* обучения. Когда я вышел из хижины, чтобы справить нужду, я вдруг получил сзади такой пинок, что спросонья свалился с ног. И тут же услышал голос Вана:

– А ты не верил, что я тебя буду учить и по ночам.

Через несколько дней все стало понятно. Ван спал очень мало – больше занимался Кхи-Гонг по ночам. Так что когда я выходил ночью по нужде, у меня был шанс (и очень большой) схлопотать «куда ни попадая». Вначале я был возмущен – это какое же хамство надо иметь, чтобы не дать единственному ученику спокойно пописать среди ночи. Однако вскоре это превратилось в игру, которая стала мне даже нравиться. Теперь я никогда не вставал с кровати «просто так», как нормальные люди. Я чуть приоткрывал глаза и искоса смотрел, лежит ли Ван на своей лежанке (кстати, это совершенно не означало, что он спит). Если Ван был на месте, я старался выйти из хижины как можно тише. Если же его на лежанке не было, я вскакивал с кровати, пинком открывал дверь и выскакивал на улицу, где принимал боевую

стойку и оглядывался по сторонам. Штаны я рисковал спускать, только когда убеждался, что учителя рядом нет.

И так теперь было всегда: никакое время не было безопасным: ни сон, ни еда, ни даже поход в туалет. Как ни странно, мне было интересно, это была уже игра ума. Когда я стал осторожным (а был я, спасибо отцу с дедом, очень юрким), старому Вану стало неудобно доставать меня (конечно, он мог сделать что угодно с десятком таких, как я, но бегать за сопляком ему было бы просто несолидно), он стал носить в карманах мелкие камешки и бросать их в меня. Мелкие они, конечно, мелкие, но били очень больно, тем более что Ван бросал их не просто так, а по точкам. Моей задачей вначале было увидеть (или почувствовать, если Ван бросал мне в спину) начало броска и просто увернуться. Если бы бросали чем-то мягким, я бы назвал эту игру занимательной, а так я ходил все время в синяках.

– Чтобы избавиться от них, тебе побыстрее следует научиться уворачиваться, – сказал мне Ван, – все в твоих руках.

Надо сказать, что «игру в камешки» Ван за обучение не считал. Для него это было не более чем развлечение, забава. А обучение шло своим чередом: теория, отработка одиночной техники, формальные комплексы, парные упражнения, свободная схватка.

Позанимавшись с ним месяц, я понял, почему он не хотел брать учеников и почему, если брал, то всего лишь одного. Не хотел брать потому, что было очень много хлопот, а брал только одного потому, что при таком подходе всю парную технику я отработывал только с ним. Других партнеров (классом пониже) у меня не было и, таким образом, он сразу вытягивал меня на свой уровень.

Дома дед мне понемногу уже начинал показывать работу с оружием. Мне это было интересно, особенно нож, который и был единственной вещью, которую я привез с собой (так получилось просто потому, что я с ним никогда не расставался).

Нож у меня Ван отобрал сразу.

– Сначала мастер «руки – ноги», только потом оружие. – И добавил нечто совершенно непонятное: – И еще камешки ловить сначала научись.

Между тем игра «в камешки» начинала мне нравиться все больше и больше. Я научился неплохо уворачиваться и Ван уже далеко не каждый раз попадал в меня. Заметив, что синяков на мне стало заметно меньше, он сначала сделал вид, что огорчился, а затем усложнил правила игры, запретив мне уворачиваться. Вместо этого я должен был ловить камешки, а поймав, бросать их в Вана. Если камешек все-таки попадал в меня, я должен был, не думая, назвать точку, в которую он попал, показания к ее использованию, а также точки, которые следует использовать для лечения, если противнику удалось воздействовать на эту точку.

Таким образом, «игра в камешки» мгновенно превратилась в экзамен по акупунктуре. Если мой ответ не удовлетворял Вана, он никогда не сердился и не бил меня. Просто в эту ночь я не спал, а учил теорию акупунктуры. Если и на следующий день я ошибался, он не лишал меня сна (говорил, что не спать две ночи подряд без привычки вредно), а оставлял без еды (обязанность готовить для учителя и мыть после еды его ложку и миску по-прежнему лежала на мне).

– Ум – это основа внутренней системы! – говорил Ван. – Если у тебя плохо работает голова и ты не способен запомнить всего каких-то несколько сотен точек, то ты всегда будешь делать лишнюю тупую работу (например, мыть за мной посуду), а сам останешься без еды и сна. И вообще – это иллюстрация связи внешнего и внутреннего: хорошо внутри (работает ум) – хорошо и снаружи (достаточно еды, сна и тому подобных вещей).

Эту мудрость я понял быстро – условия обучения способствовали: никто никого ничего не заставляет делать: просто если хочешь есть – хорошо учишь, думай и запоминай. Так

что огромный старинный фолиант с описанием системы энергетических каналов и точек я выучил достаточно быстро.

Оставшись однажды наконец доволен моими знаниями, Ван послал телегу за моим дедом. Когда дед приехал (надо сказать, что на приглашение Вана он откликнулся незамедлительно), Ван, после традиционной чашки чая, попросил деда оказать ему любезность – проэкзаменовать меня на предмет теории традиционного иглоукалывания, причем просил сделать это без всякого снисхождения. Дважды просить не пришлось. Деду было самому интересно, каковы мои успехи. Когда я, не сбившись ни разу, ответил на все его вопросы, он встал и очень низко поклонился учителю Вану.

– А как у моего оболтуса с воинской подготовкой? – после паузы спросил дед.

Ван, вежливо улыбаясь деду и не оборачиваясь ко мне, мгновенным, незаметным движением метнул в меня камешек. Я поймал его и без паузы бросил в деда. Дед, разумеется, поймал его, но мне показалось, что, когда он посмотрел на меня, в его глазах (кроме явного удивления) было нечто, напоминающее уважение. А может, мне это просто хотелось увидеть.

На этом экзамен закончился, Ван с дедом выпили еще по чашке чаю и дед, довольный донельзя, укатил на телеге домой.

А мое обучение продолжилось. Как и обещал Ван – днем и ночью. Вскоре я понял, для чего на самом деле была «игра с камешками». Вдруг совершенно «на ровном месте» Ван вместо камешка метнул в меня мой собственный нож, который отобрал раньше. Ловить я его не стал – испугался, заметив металлический блеск лезвия, но, к своему удивлению и большой радости, отклониться успел. Рефлекс, видимо, был в меня вбит вполне надежно.

Но Ван остался не слишком доволен.

– В общем, не так плохо, попасть я в тебя не попал, хотя бросал неожиданно и быстро. Но ты должен был не уклоняться, а поймать нож. Примерно так, как ты ловил камень.

– Нож – не камень, как его можно поймать, не порезавшись?! Особенно такой острый, как мой!

Тут Ван велел мне поднять нож и бросить в него. Я неуверенно посмотрел на него. Но он утвердительно кивнул, подтверждая приказ. Делать нечего, я повиновался. Метать нож меня начинал учить отец (правда, как сам он говорил – недоучил), так что я бросил нож, стараясь попасть в плечо, а не в грудь или живот, на случай, если Ван не поймает. Но он поймал, буквально «вынул» его из воздуха. Нож оказался зажат у него между средним и безымянным пальцами, аккуратно прилегая к ним боковыми сторонами лезвия.

– Вот так, – сказал он. – Научишься ловить – верну.

С этих пор камешки сменились метательными ножами. Оказалось, что у Вана огромный запас их. Назвать это ножом было трудно – скорее, грубо обработанная и плохо заточенная пластина из какой-то отвратительной стали. Ван говорил, что такие ножи из хорошей стали никто не делает. Хорошая сталь часто бывает хрупкой и легко ломается. А эта дрянь может тысячу раз согнуться и остаться целой. Хорошо ее заточить невозможно – такой металл заточку «не держит», но для наших нужд – вполне, даже порезаться можно. Еще он вручил мне банку с мазью, которой мне надлежало мазать порезы.

Как всегда, он оказался прав. До тех пор, пока я не научился правильно ловить нож, пальцы у меня были почти всегда в крови. Ножи, хоть и тупые, резали и царапали кожу весьма чувствительно. Но как-то незаметно царапин становилось все меньше. И однажды, глядя на свои ладони, я увидел только тонкие, затянувшиеся шрамы и ни одной капли свежей крови. Как раз когда я с удивлением глядел на это непривычное зрелище, Ван, верный своей привычке все делать неожиданно, в очередной раз бросил в меня нож. В этот раз нож был мой собственный, бритвенно острый. Я его узнал по блеску, метательные ножи Вана

были намного тусклее и не блестели в полете. Мгновение – и сверкающая молния оказалась зажатой у меня между пальцами.

– Теперь можешь оставить его себе, – буднично сказал Ван.

Учился я у него пять лет. Если считать, что я занимался (воинским искусством, Кхи-Гонг, изучением медицины и лечением) часов по двадцать в сутки, то один день моих занятий был равен примерно трем неделям стандартных тренировок по западному образцу: три раза в неделю по два часа в день.

Теперь я понимаю, как ему было тяжело круглосуточно возиться со мной пять лет без праздничных дней и выходных.

Разумеется, праздники у нас были, но отработать дневную норму требовалось и в праздник. Может, я и ошибаюсь, но сейчас мне кажется, что за эти пять лет не было дня, когда мы с ним не тренировались.

Когда мне исполнилось 18 лет, Ван решил, что пора давать мне мастерский пояс. А это процесс весьма важный не только для ученика (как это представляется многим), но и для мастера, потому что ученик – это в некотором роде «изделие», подтверждающее (или опровергающее) квалификацию учителя. Суть этого «защита» в специальной «учительской» поговорке, которая звучит примерно так: «Если мой ученик, еще не имеющий мастерского пояса, победил его ученика с мастерским поясом, – мне очень приятно. Если наоборот – мне очень стыдно». Кроме того, существовало негласное правило не присваивать звание мастера людям младше 20 лет.

Но для Вана эти правила были не писаны. Он говорил так: «Мой ученик – когда захочу, тогда и дам черный пояс. А я захочу, когда он научится». Церемония была такой же простой, как принятие в ученики.

Однажды перед ужином, когда я вернулся с речки, где купался после тренировки, Ван не велел мне сразу садиться «набивать брюхо». Вместо этого он сходил в хижину и вынес оттуда роскошный, шитый золотом черный пояс. Откуда он мог его взять в этой глуши, я до сих пор ума не приложу (наверное, вытащил из одного из своих бездонных сундуков). Он, не торопясь, повязал мне его, сделал два шага назад, критически оглядел меня и сказал, широко улыбаясь:

– Красавец, настоящий красавец. А теперь бегом за тарелками и ложками, пора подавать учителю ужин.

Вскоре я покинул его, так как в то время страна воевала и весь Вьетнам был армией. Само собой, те, кому исполнилось 18 лет, подлежали обязательному призыву. Можно было, конечно, и «закосить» (тот же Ван обучил меня, как притворяться инвалидом так, чтобы ни один нормальный врач не заподозрил подвоха), но в те времена был в моде патриотизм и «не ходить в армию» считалось просто неприличным.

Так что и я отправился на призывной пункт. В то время слова «пойти в армию» означали «пойти воевать». Группа, в которую я попал, воевала в джунглях. Меня там сразу невзлюбили за то, что я совершенно не стремился выполнять приказы. Дело было в том, что я не любил (да, честно говоря, и не мог) действовать в группе и рвался воевать один. Но время было суровое и за невыполнение приказа вполне могли и расстрелять, причем без всякого суда – прямо на месте.

На мое счастье, командир группы был человек умный, опытный и неторопливый. Поэтому прежде чем приказывать меня расстрелять, он решил со мной поговорить. Вообще-то я не люблю рассказывать о том, что я мастер, – лишние проблемы. Но тут пришлось. Командир, несмотря на свою неторопливость, думал недолго. И решил так: он со мной дерется. Если я смогу его победить, то он больше не приказывает, как мне воевать, и отпускает в

свободный поиск. Условия поединка были простые: деремся голыми руками, пока кто-то не сдастся или не сможет продолжать поединок из-за потери сознания, увечья или смерти. Обязательным условием было присутствие всех остальных солдат группы. Все было понятно: если командир убьет меня, то это вполне заменит расстрел и послужит назиданием всем остальным. Правда, я не знал, что будет, если я убью командира. Но, честно говоря, меня это не очень волновало, потому что убивать его я не собирался. Во-первых, он мне нравился – честный мужик, который не прятался за чужой спиной, а во-вторых, мне это было невыгодно.

Так вышло, что в этот день группа была не на задании, поэтому через пять минут все по приказу выстроились на опушке, рядом с которой располагался наш небольшой лагерь. Командир в двух словах изложил суть дела. Я спокойно стоял и слушал, как если бы меня это не касалось. Слух у меня очень острый и я слышал не только то, что говорил командир, но и то, о чем зашучукались солдаты. Не удивило меня, что они обрадовались. Ясное дело – какие у солдата развлечения. А тут показательное наказание человека, которого все они терпеть не могут. Тут же они начали делать ставки. Не на исход поединка – нет. Никто из них в победе командира не сомневался (мне тоже, кстати, по фигуре, повадкам, движениям и, главное, по взгляду показалось, что он очень серьезный боец), так что ставили на то, сколько минут молодой наглец (то есть я) сумеет продержаться против их командира. Неожиданно я с удивлением услышал следующий диалог:

– Один к одному на этого новичка, Миня.

– Ты что, с ума сошел, все же ставят против, этот сопляк и пяти минут не продержится против нашего. Куда ему!

– Ты ничего не понимаешь, ты ему в глаза посмотри.

– Ну и что ты увидел в его глазах? Такие же раскосые, как у тебя, деревенщина.

– Ты и правда ничего не понимаешь – он очень хреново смотрит.

Понимаю, что не слишком красиво повторять такие слова (мой учитель за это бил сразу, не глядя, куда попало), но в солдатской речи это звучало еще хуже. Однако говоривший явно раньше видел этот взгляд, который мой дед называл «Тигр смотрит на курицу», и понимал, что он может означать.

Судьи в таких поединках не полагалось (и так понятно: кто остался жив, тот и победил), так что мы только коротко кивнули друг другу в знак готовности и представление началось. Задача у меня была непростая: сделать так, чтобы командир ни в коем случае не потерял лицо при подчиненных, но в то же время смог оценить мое мастерство. Как я и думал, он был действительно «настоящий», но все равно никак не чета моему деду, отцу и тем более учителю Вану. При желании я смог бы его убить при первом контакте. Всего два удара: первый, чтобы «выключить свет» и притормозить, замедлить движение, второй – уже наверняка смертельный.

Но задача у меня была иная и повел я себя по-иному. Я вообще (что мне не свойственно ни по характеру, ни по чрезвычайной агрессивности стиля) не нападаю. Я спокойно стоял на месте, ожидая атак командира. Само собой, ждать себя он не заставил. Его стиль, видимо, был не менее агрессивен, чем мой, так что в атаке он чувствовал себя, как рыба в воде. Но каждый раз, когда он подходил близко, я аккуратно (чтобы не переусердствовать) воздействовал на точки, регулирующие дыхание. Так что после каждого контакта со мной дышать ему становилось все труднее. Со стороны все выглядело очень красиво: командир колотил меня, не переставая, а все солдаты, поставившие на него деньги, радостно кричали, приветствуя его «успехи». Никто из них, кажется, даже не заметил, что дыхание его становилось все более затрудненным, а достать меня он так ни разу и не смог. Все шло, как я задумал: на вид показательное избиение младенца отцом-командиром, а на самом деле тот слабел (без «дыхалки» как можно двигаться, да еще и так активно), причем достаточно быстро.

Когда по взгляду командира я понял, что он «готов», я согнулся, как будто получив в живот. Разумеется, на самом деле удар меня не достал, но выглядело все очень достоверно. Таким фокусам меня учил Ван. Это называлось «Ян и Инь» или «победа в поражении». Упав на землю и старательно скорчившись, я снизу внимательно наблюдал за действиями командира. Тот не менее внимательно посмотрел на меня сверху вниз и неожиданно подмигнул. Это был знак: «я все понял и оценил».

Отдышавшись (сразу заговорить он не смог), он строго оглядел всех и произнес: «Минь – мастер, я подтверждаю. С этого дня работает один».

Сделанные ставки перешли из рук в руки и только один солдат, ставивший на меня, остался недоволен.

Назавтра я ушел в джунгли один. С собой у меня был АКМ, нож и запас риса на три дня. Вообще я мог прожить в джунглях и без всякого риса, но не хотелось тратить время на добывание пищи. Мог я спокойно и проголодать несколько дней, но ту работу, которую я собирался сделать, лучше было делать сытым.

Вернулся я, как и предполагал, через три дня и принес доказательства того, что мною были убиты пять американских солдат. Не спрашивайте, какие это были доказательства, я все равно не отвечу. Скажу только, что они были неоспоримыми.

Когда я пришел к командиру, тот задал мне только один вопрос: «Как?». Я молча показал ему на нож.

– Всех пятерых только ножом? – переспросил он.

– Так было тише, да и патроны сэкономил, – показал я ему два полных автоматных рожка.

И служба пошла – я стал свободным охотником и понял наконец, для чего человеку воинское искусство. Вовсе не для того, чтобы убивать, как думали все, с кем я имел дело. Нет, для того чтобы выживать.

Теперь никто меня не спрашивал, когда, на сколько и куда я уйду. Бывало (если интуиция подсказывала, что «на охоту» сейчас мне идти не надо), я неделями валялся в землянке, спал до обеда и выходил только поесть, оставляя грязную миску, зная, что кто-то ее вымоет. И чисто вымоет.

А иногда я уходил на неделю и снова приносил доказательства эффективности своей «прогулки». Правда, выживать во время таких «прогулок» становилось все труднее. Американцы стали несравненно бдительней, но я никогда не торопился и всегда дожидался подходящего момента.

Такая жизнь меня устраивала: я воюю за родину и в то же время не подчиняюсь ничьим приказам. Наверное, этим не мог похвастать ни один генерал.

Такая вольная, пусть и небезопасная жизнь меня вполне устраивала. Совершенно неожиданно для меня оказалось, что именно к этому я и приспособлен. Никогда раньше бы не подумал, но мне все это начинало нравиться. Иногда, правда, я думал о том, что сказала бы моя дорогая мама, узнав, чем занимается «ее любимый сыночек Минь», но я тут же отгонял эти мысли, благо учитель Ван потрудился на славу, приучая меня контролировать свой ум.

*

К концу моя вольница подошла совершенно неожиданно. Оказалось, что наш отец-командир, который мне так нравился, такая же сука, как и все остальные. Справедливости ради скажу, что ничего плохого сделать мне он не хотел – просто доложил обо мне в особый отдел, как докладывал о каждом солдате. И вот однажды за мной пришли двое. Когда они зашли в землянку, где я валялся уже три дня, я и не подумал встать (подумаешь, каких-

то два совершенно чужих младших офицера – тоже мне начальство), но что-то внутри меня напряглось, я почувствовал, что это «не простые парни»

«Парни» повели себя очень вежливо. Они представились как офицеры особого отдела и попросили меня проследовать вместе с ними. Про этот отдел разное говорили, так что нужно было решаться сразу. Либо я прямо сейчас «прохожу сквозь них» и исчезаю в джунглях, где они меня никогда не найдут, либо я иду вместе с ними, неизвестно куда и неизвестно зачем. Знать я ничего не мог и, как всегда, положился на интуицию.

«Если не понимаешь головой, думай животом», – наставлял меня Ван. Когда я впервые услышал эти слова, то долго смеялся. Я-то знал, что «животом нужно есть», а думать... «Не поймешь этого, никогда не станешь *настоящим* мастером, – прервал мой смех Ван. – Останешься не пойми кем: техника, как у мастера, а на самом деле пустышка».

Понял я это далеко не сразу. Прошло несколько лет, пока в Дань-Тянь, внизу живота, не накопилось достаточно Ци. Конечно, мыслей в животе у меня не появилось, все-таки живот не голова. Но оказалось, что живот содержал в себе не только еду, как я думал. В животе «жила» еще интуиция.

И теперь эта самая «животная» интуиция мне подсказывала, что можно идти спокойно: хуже точно не будет.

Так что я встал и начал собираться. Офицеры терпеливо ждали. Долго ждать им не пришлось, на то, чтобы сложить рюкзак, мне вполне хватило трех минут (видимо, про таких, как я, и говорят: «Если имущество поджечь, то дыма не будет»).

По дороге много не говорили, мол, все объяснят на месте. «На месте» выяснилось, что мой прежний командир дал мне правильную характеристику (мне ее зачитали дословно и я был согласен с каждым словом): «Храбр до дерзости, к командным действиям не склонен, действуя в одиночку, очень эффективен. Следует обратить внимание на то, что авторитет командования часто не признает, склонен к невыполнению приказов. Мастер традиционного рукопашного боя и может быть крайне опасен даже без оружия».

– Будете расстреливать или для начала в дисциплинарный батальон? – спросил я младшего офицера, который то ли со мной беседовал, то ли аккуратно и без нажима меня допрашивал.

Ответить на мой вопрос он не успел. Вместо него ответил человек в штатском, неожиданно и без стука вошедший в комнату. Кто это был такой, я не понял, но работавший со мной офицер вскочил со стула и вытянулся в струнку. А «штатский», который, судя по всему, каким-то образом слышал весь наш предыдущий диалог (наверняка подслушивал, сволочь), заговорил прямо от порога. Говорил он исключительно вежливо, я бы сказал, ласково. Ну прямо отец родной. Причем не такой строгий, как у меня, а такой сказочный папа-добрячок.

– Ни то ни другое. Наоборот, ты нам полностью подходишь. Все, что не нравилось твоему командиру и вызывало у него опасения, полностью подходит нам. Сначала пойдешь инструктором в спецназ. Будешь обучать их рукопашному бою и владению холодным оружием.

Это мне сразу понравилось, так как вьетнамский спецназ тех времен (сейчас он не такой и таким не может быть, потому что не воюет постоянно, как воевали мы) был, я думаю, всем спецназам спецназ.

– Разумеется, будешь не только учить, но и сам участвовать в операциях. У нас принято, чтобы инструктор в бою показывал, что он умеет сам. Но тебе, судя по докладам твоего командира, не привыкать. Через полгода – год работы инструктором спецназа (если тебя за это время не убьют) пойдешь на офицерские курсы. Получишь новые погоны и отправим тебя в Сайгон, будешь там шпионом. У нас говорят так: «Ты можешь быть трусом и служить в пехоте, во флоте и даже авиации. Но ты не можешь быть трусом и быть шпионом». И вообще занятие для таких, как ты: никто тебе не начальник, работаешь один, в подчинении у тебя

только связной, с которым ты встречаешься, когда сам найдешь нужным. Денег всегда будет много, больше, чем нужно. Можешь пить, веселиться и таскаться по девкам. В общем, делай что хочешь, лишь бы был результат. Но это будет потом, а пока – ты инструктор спецназа. Старший!

Так начался новый этап моей карьеры. Вопреки прогнозам, за все время работы инструктором я только обучал солдат, «на дело» же меня не посылали ни разу. В чем причина, догадаться было нетрудно. С первых дней ко мне на занятия стали приходить старшие офицеры. Все они были несомненными мастерами армейского рукопашного боя. Само собой, некоторым из них захотелось испытать нового инструктора. Обычно эти «испытания» проходили в пустом зале, так чтобы никто из участников не потерял лица. Так что я мог не стесняться. Да я и не стеснялся. Старший он там офицер или младший, не имело никакого значения. Это рукопашный бой, тут все равны. Так что перепало всем желающим. После этого у них возникло желание поучиться у меня и, видимо, кто-то из них сделал так, чтобы меня не посылали на задания. Но занятия с офицерами работой назвать было нельзя. Они все время были заняты, приходили нерегулярно, в основном не позаниматься, а поговорить. Я бы сказал, что для них это было развлечением.

Так что работал я все равно в основном с солдатами и свою инструкторскую работу делал честно. Иначе говоря, учил так, как учили меня, разумеется, с поправкой на короткое время подготовки и невозможность индивидуальной работы с каждым солдатом.

Методы, которые мне казались естественными при таких сжатых сроках обучения, приводили новобранцев в ужас. Особенно им не нравилось мое (вообще-то оно не совсем мое, ему, думаю, столько же лет, сколько боевым искусствам) правило: «На занятиях каждый ученик должен получить. Как минимум один раз, но сильно, по-настоящему, лично от меня». Это правило я нарушил всего один раз. Не помню, почему так случилось, но помню, как после тренировки зашел в солдатскую раздевалку и удивился, увидев их счастливые лица. Что-то было не так, обычно они выглядели (и должны были выглядеть) совершенно иначе. Откуда такой «непорядок», до меня дошло через мгновение. Что-то меня отвлекло и никто (!) из них не получил от меня щедрую (я вообще человек широкой души, а тут уж тем более никогда не жадничал) порцию побоев. Так что при виде меня мои подопечные приходили в состояние (я не преувеличиваю) животной паники.

Помню, однажды после занятия мне захотелось выпить. Можно было, конечно, выпить и одному (излишней общительностью я никогда не отличался), но я решил пригласить одного из солдат составить мне компанию. Он же, видимо, подумал, что я вызываю его к себе, чтобы наказать за что-то, и, едва войдя в мою комнату, упал на колени и стал кричать: «Пожалуйста, не бейте меня, учитель». Я успокоил его, сказав, что просто пригласил его выпить со мной, но тут же добавил, чтобы он не расслаблялся: «Если сегодня ты плохо будешь выпивать со мной, завтра тебе будет очень плохо на занятии». Он все понял и так старался, что напился «до полусмерти». На следующем занятии я его (всем на зависть) вообще не трогал. Так что после этого выстроилась очередь желающих выпить со мной. Еще бы, выпивка «на халяву» и «индугенция» на следующее занятие.

После полугода группа сдавала экзамен. Было два вида проверки, настолько жестоких, что до такого даже я бы не додумался.

Первая проверка, индивидуальная, предназначалась для тех, кто должен был работать в городах и поодиночке. Двум человекам давали по ножу и запирали их в одной комнате. Дверь (которая, понятное дело, была заперта снаружи) отпирали, только когда шум в комнате стихал.

Вторая проверка была коллективная (для тех, кто должен был воевать и выживать в джунглях). Две группы человек по шесть (без еды и воды, вооруженных только ножами)

заходили в дикий лес и двигались навстречу друг другу. Где-то (где точно, не знал никто) кто-то кого-то должен был подкараулить. Те, кто выходил из джунглей, считались сдавшими экзамен. О тех, кто не выходил, никто не вспоминал.

Все мои ученики сдавали по первой программе. Каждого из них оставляли в запертой комнате с учеником другого инструктора. И после экзамена они вдруг по-настоящему полюбили меня. Причина была простой: все без исключения вернулись живыми и даже не слишком «порезанными». Таких результатов не было ни у одного другого инструктора.

Неожиданно оказалось, что я тоже сдавал экзамен: оценивалось качество подготовки моих учеников и, соответственно, мое личное мастерство и умение обучать.

Как мне сказали, экзамен я выдержал блестяще и офицерское звание мне присвоят сразу, без всяких курсов. Конечно, в такой «подарок» и в «щедрость» начальства я не поверил. Просто им нужно было забросить умелого диверсанта (меня то есть) в Сайгон и времени на тягомотину с офицерскими курсами у них не было.

В Сайгон я отправился уже офицером (какая человеку разница, кем он умрет – офицером или рядовым?). Попал я туда просто – сначала на машине, а потом пешком. Пришел в город еще один замурзанный вьетнамец, вот и все. От всех прочих вьетнамцев я никак не отличался, так что никто меня особенно не проверял.

Ни денег, ни жилья у меня не было. Было только основное – документы. А все остальное меня не волновало, я знал, что к вечеру у меня будет все, что мне нужно. В очередной раз я подумал, чтобы я делал, если бы меня не научили выживать всюду. Эти суки из особого отдела забросили меня в город, не дав ничего, и хорош бы я был, если бы не школа учителя Вана. А может, если бы они не знали, что я выживу где угодно, то и не послали бы меня? Хотя все равно послали бы. Выжил так выжил, не выжил – так не выжил.

Но я-то собирался точно выжить!

Первым делом мне нужно было достать деньги. Способ был простой и жуткий. Я выбирал какого-нибудь американского солдата (лучше офицера) и шел за ним, выжидая момента, когда вокруг никого не будет. Такое случалось довольно часто, нужно было только уметь подобрать время и место. Когда рядом никого не оказывалось, я подходил к «объекту» и, притворяясь сильно пьяным, начинал просить закурить. Типичный прием уличной шпаны. Отличие только в том, что у меня был «не угрожающий» вид. Маленький, явно безоружный вьетнамец в полцентнера весом (да еще такой пьяный, что едва на ногах держится) против могучего американского морпеха. Просто смешно.

Конечно, гринго всячески пытался от меня избавиться, но я не уходил, продолжая канючить «не уйду, пока не дашь закурить». Сам же все время оглядывался, чтобы удостовериться, что никого рядом нет. Только убедившись, что никто не видит этой сцены, я бил. Я уже говорил, что мне для того, чтобы наверняка убить человека, требуется два удара. Но тут почти всегда хватало одного. Противник стоит на месте, не защищается, я ему надоел и не кажусь опасным. А я уже совсем близко.

Обычно у всех у них было много (разумеется, по вьетнамским меркам) денег. Так что вскоре я снимал хорошую квартиру, был прилично одет и обут. В те времена я никогда точно не знал, сколько у меня денег. «Полные карманы» будет, пожалуй, самым точным определением.

Тех, кого я убивал, мне жалко не было, потому что совсем недавно я получил известие о том, что мою невесту убило разрывом американской бомбы. Никто их сюда не звал и здесь они находили свою судьбу. А судьбой для многих из них был я.

Шпионом я пробыл долго, год, не меньше. Привык уже (если к такому вообще можно привыкнуть). И тут неожиданно явился связной. Это было неправильно, потому что без моего вызова появляться он не должен был. Но он явился и сообщил, что мне немедленно

следует вернуться. Мне было все равно. Мне уже было давно все равно. Собираться мне было не нужно, все мое (граната, нож и деньги) было со мной. Прощаться тоже было не с кем, разве что с продажными девками из самого дорогого борделя Сайгона, которые любили меня за то, что я платил, не считая, и всегда долларами (знали бы они, откуда у меня эти зеленые бумажки!).

Выход из города и переход через линию фронта прошел без сучка и задоринки. Возможно, потому, что я не пошел маршрутом, которым хотел вести нас проводник, сопровождавший связного.

Вообще я замечал, что чутье, которое так старательно и умело развивал во мне учитель Ван, за время моей жизни в Сайгоне очень обострилось. Однажды я вышел из дома, заранее точно зная, что сейчас что-то произойдет. И когда за спиной завизжали тормоза, я уже падал на асфальт, одновременно бросая через плечо гранату, которую я почему-то положил себе в карман перед выходом. Потом выяснилось, что кто-то меня «сдал» и военная полиция поджидала меня в засаде у съемной квартиры. Потом говорили, что приказ у них был взять меня, по возможности, живым. На то, что это удастся, никто особенно не рассчитывал, поэтому более вероятным считался второй вариант: «взять мертвым».

Но, как оказалось, был еще и третий вариант: я ушел. Дальше я перешел на запасную квартиру, сменил одежду и надел очки. Само собой, у меня были и запасные документы, так что второй раз найти меня они уже никак не могли. Разве что по внешности. Но это было очень маловероятно – для белых все азиаты на одно лицо. И я еще позволил себя развлечься – пошел в дамскую парикмахерскую и сделал завивку. У меня и так с волосами проблем не было, а тут еще стало казаться, что у меня на голове большая черная шапка. Красивая, кстати, девкам понравилась, многие мне завидовали.

После случая с засадой мне стало казаться, что теперь я мог себе позволить не придерживаться никаких правил (традиционно это называлось «стать выше метода»), полагаясь исключительно на интуицию. Уже позднее я специально отправился в джунгли, чтобы проверить, так ли это на самом деле. С людьми у меня получалось, а вот получится ли с настоящим мастером... А главным мастером в джунглях был, разумеется, тигр.

Поэтому одно из основных «правил безопасности» в джунглях было связано именно с ним. Звучало оно так: никогда не проходить туда и обратно одной дорогой. Дело в том, что тигр – это не тупая скотина, рассчитывающая только на свою силу. Конечно, на силу он тоже рассчитывает, на такую силу вполне можно положиться. Но больше он рассчитывает на хитрость и безграничное терпение. Поэтому он никогда не нападает на человека сразу, без подготовки, из неудобной позиции. Нет, он пропускает человека, выбирает наиболее удобное место для прыжка и ложится в засаду, ждать, когда человек вернется обратно и можно будет броситься на него сзади. Именно поэтому никто в джунглях одной дорогой два раза не ходит.

Ван, который всю жизнь охотился на тигров, говорил, что он их «чувствует», я ему верил (учитель как-никак), но как он это делает, я не представлял. Теперь пришло время проверить, чему я научился за время, прожитое в постоянной опасности.

Чтобы выполнить задуманное, мне нужно было вернуться к учителю Вану, что я и сделал в один из своих краткосрочных отпусков. Проучившись пять лет у Вана, который очень любил говорить про повадки тигров, я точно знал места, в которых их всегда можно было встретить. И вот именно в таком месте я и собирался поступить не по правилам («стать выше метода»), прогуливаясь одной и той же дорогой до тех пор, пока не встречу тигра.

Так что я вышел на самую «тигриную тропу», как называл ее учитель Ван, или «тигриный бульвар», как окрестил это место я. Вперед «по бульвару» я шел совсем недолго. А когда повернул назад – меня уже ждали. Это был миг моего торжества. Вон под теми кустами за поворотом затаился тигр. Я его не видел, не мог видеть. Во-первых, прятаться в джунглях

лучше тигра умеет только учитель Ван, а, во-вторых, увидеть его за поворотом тропы было просто невозможно. Именно на это и была рассчитана засада: до поворота увидеть тигра еще невозможно, а после поворота (что тоже очень непросто) – уже бесполезно. А мне не надо было видеть – я точно знал, где он. Охотиться на него я не собирался (это был хлеб учителя Вана), поэтому просто повернулся и пошел прочь, точно зная, что тигр тоже не станет на меня охотиться.

Ван говорил, что тигра почувствовать труднее, чем человека. У человека много мыслей, его энергия всегда неуравновешенна, а ум мечется, как обезьяна. Тигр же может лежать в засаде сутками, оставаясь при этом совершенно расслабленным и спокойным. Так может вести себя только истинный мастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.